

Юлия Блохинцева

День обнуления

Шеде

Юлия Блохинцева

День обнуления

<https://litres.ru/73956611>

SelfPub; 2026

Аннотация

Михаил Иванович Рыбацкий, главный управитель партии, прожил долгую пятидесятилетнюю жизнь, и теперь, через два дня, состоится его день обнуления! Великий праздник, который будут транслировать на всю страну. По своей сути – это узаконенное избавление от стариков, прописанное в главном законе страны, некая гуманная эвтаназия. Люди с радостью входят в маленький, металлический аппарат, где с улыбкой на лице засыпают вечным сном в состоянии блаженства, а потом огонь обнуляет их жизнь, переносит через миллион миров в новое, здоровое тело, где они начинают все заново, новое будущее, лучшее, чем здесь и лучшее, чем сейчас. По крайней мере эту чушь внушают по всем каналам для всех, всего этого малообразованного населения. Но так ли все просто на самом деле и можно ли этого избежать?

Юлия Блохинцева

День обнуления

На тяжелом дубовом столе лежит кипа бумаг, хаотично разбросанных по далеким углам. Все подписаны красивой размашистой подписью, из которой можно разобрать завихряющуюся фамилию – Рыбацкий. На одних огромными буквами красуется слово – Запретить, на других – Отказать, на третьих, которые встречаются совсем не часто – Одобряю. Стол освещен маленькой, не по размеру стола лампой, её тусклого света едва хватает осветить середину, шторы занавешены и мрак распространяется по углам широкого кабинета, скрывая его огромные шкафы с книжными полками, его дорогой диван у стены, обитый зеленым бархатом, на деревянных стенах еле заметны очертания картин, но что на них, разобрать невозможно. Лишь белые цвета немного различимы, мазки неизвестных художников выдают произведения искусства. За столом сидит жилистый, подтянутый мужчина, только седые короткие усы выдают его приблизительный возраст. Он шуршит сквозь тишину листами белоснежной новенькой газеты. Лампа почти не освещает текст, но он все видит и вдумчиво вглядывается в обведенную в рамку фразу на первой странице свежего выпуска.

19 февраля состоится день обнуления нашего всеми любимого и почитаемого господина главного управителя пар-

тии - Михаила Ивановича Рыбацкого. Празднования пройдут по всей стране. Ждем всех на центральной площади, где будет производиться трансляция.

Мужчина хмурится и кладет газету на стол. Это он тот самый Михаил Иванович, которому 19 февраля исполнится пятьдесят лет. Это у него состоится день обнуления, великий праздник, который будут транслировать на всю страну. По своей сути – это узаконенное избавление от стариков, прописанное в главном законе страны, некая гуманная эвтаназия. Люди с радостью входят в маленький, металлический аппарат, где с улыбкой на лице засыпают вечным сном в состоянии блаженства, а потом огонь обнуляет их жизнь, переносит через миллион миров в новое, здоровое тело, где они начинают все заново, новое будущее, лучшее, чем здесь и лучшее, чем сейчас. По крайней мере эту чушь внушают по всем каналам для всех, всего этого малообразованного населения. Его задумчивый взгляд обращен куда-то в пустоту, веки опускаются, и он замирает на мгновение, пока за дверью кабинета не начинается возня и не раздастся неуверенный стук. Дверь открывается медленно, рисуя на полу маленькую черточку света. За ней невысокий человек, что-то неуверенно мямлит, Рыбацкий не смотрит на него, глаза его закрыты, но мужчина начинает говорить громче, заставляя Михаила Ивановича взглянуть на него.

- Михаил Иванович, - бормочет он, сильнее приоткрывая дверь и протискивая в темноту кабинета свое дрожащее те-

ло. — Можно к вам?

Ему никто не отвечает.

- Михаил Иванович — пробует тот снова. — Все готово! Нужно отрепетировать!

- Когда? — Наконец отвечает тот. Голос громкий и четкий, словно отдающий приказ, совсем не похож на этот мямлящий и гнусавый.

- Сейчас, Михаил Иванович! Они приехали! Ждут!

Рыбацкий медленно поднимается из-за стола, все движения плавные, барские, от него веет силой и уверенностью. Вошедший жметесь в дверь пропуская Михаила Ивановича из кабинета. Свет бьет в глаза, заставляя прищуриться, но тот не сбивает шаг и идет своей ровной, гордой походной по красной ковровой дорожке, устилающей коридор. Вниз ведет широкая лестница, люди вокруг на мгновения замирают, не решаясь идти дальше по своим делам, все здороваются, опуская взгляд в пол. Рыбацкий не смотрит на них, он знает куда идти, но мужчина, сопровождающий его, не поспевает, прыгает вокруг, что-то говорит, спотыкается, роняет бумаги, собирает, снова догоняет и продолжает говорить. Оба спускаются наконец вниз, где их ждут несколько человек в черных парадных костюмах, выглаженных белоснежных рубашках. В руках у всех портфели из крокодиловой кожи, ботинки сверкают так, что слепят глаза. На вид всем не больше сорока. Рыбацкий подходит и окидывает всех тяжелым взглядом. Его тут же подхватывает под руку один из стоящих и

ведет куда-то, в сопровождении остальных.

- Мы не займем у вас много времени! – Говорит ведущий черноволосый парень. – Нам только отрепетировать, повторить, пять минут! Чтобы все четко, чтобы без заминки!

- Я понял! – нехотя отвечает Рыбацкий.

Они входят в пустой кабинет, где посреди стоит один пустой стул и закрывают за собой дверь.

- Вы помните, что нужно делать?

- Да. – Отвечает Рыбацкий, кивая головой.

- Протоколируй, Иванов! – Обращается черноволосый к рядом стоящему тощему с глазами навывкат. – В 11.30 вы подходите к аппарату.

- Да, да, тысячу раз проговаривали! – Злится Рыбацкий. – Здесь камера, - указывает он правой рукой куда-то наискось. – Поворачиваюсь в нее лицом, приветствую всех.

- У вас будет пять минут!

- Я помню.

- Вы репетировали речь?

- Да.

- Она пять минут?

- Почти.

- Тогда нужно дописать!

- Не нужно, сделаю лишнюю паузу. Потом машу рукой, скрещиваю руки на груди и захожу в аппарат. – Он садится на одинокий стул, эмитируя посадку в аппарат.

- Все верно! - Соглашается черноволосый. – Улыбайтесь

до последнего, пока дверь не закроется. - Тощий рядом строчит что-то на бумаге, пытаюсь не пропустить ни слова. Остальные молча ждут у двери.

- Далее мы вам сами откроем дверь, когда трансляция будет завершена. С этого момента вас не существует. У вас будет десять минут чтобы покинуть помещение, вас выведет Пятницкий, - черноволосый указывает на стоящего у двери крепыша, тот поднимает руку. – А после посадит на вертолет до пункта назначения. Вы подписывали документы о неразглашении государственной тайны?

- Я Главный Управитель партии! – Возмущается Рыбацкий, повышая голос. Люди вжимают головы в плечи.

- Но ведь не Верховный Управитель Страны! - Смеется тот. - Мы все понимаем, Михаил Иванович, порядок, мы выполняем свою работу. Управители меняются, правила остаются! – Пожимает плечами черноволосый и пихает на подпись бумагу, выхваченную у тощего.

Тот пробегает глазами небольшой текст с надписью «совершенно секретно» и оставляет на ней свою размашистую фамилию – Рыбацкий.

- Благодарим, Михаил Иванович, тогда прибудем к вам 19 февраля в восемь утра. Отдыхайте!

Парень пожимает руку, и все вываливают за дверь, растворяясь снаружи, будто никого и не было. Рыбацкий остается в пустом помещении, смотрит на одинокий стул с секунду, после выходит из помещения, хлопая дверью. Сего-

дня много задач, нужно предать дела этому несносному Самарину, которого выбрали большинством голосов на плановом совещании высшего круга, состоявшемся несколько месяцев назад. Сам он за него не голосовал, ему больше по душе тот малознакомый Котов, кажется Андрей, отчество которого он забыл. Чем-то тот напоминает его в молодости. Надо было с ним пообщаться, присмотреться. Сам Рыбацкий занимал эту должность с двадцати семи лет, никому не известный сирота, проложивший себе путь наверх своим умом, силой и беспринципностью, самый молодой управитель за всю историю. Со всеми он умел найти общий язык, договориться, понравиться. Обвивал их своей лживой лестью, как удав, не отпуская, сдавливая все сильнее, пока не добивался своего. Семьи не создавал, надавить на него, припугнуть было нельзя. Он ничего не боялся. Вцепился в должность как коршун, словно от этой должности все зависело, жизнь его зависела. Конкурентам шансов не давал, запугал всех, при нем слово лишнее сказать боялись, в глаза посмотреть боялись, просто соглашались с решениями, хотя управителей партий было несколько, никто не противоречил, знали, что с должности снимут или дело заведут. Все, кто против был, давно сгнили в острогах, единственное чего он не мог, это отменить день обнуления. Ненавидел его всей душой, неоднократно принимал попытки вынести на голосование, обсудить, но все было безрезультатно, нецелесообразно для экономики, не выгодно. После пятидесяти тело ломаться начи-

нает, сбой дает, у кого-то раньше, но додояживают до дня обнуления. А после его зачем содержать? Кому оно нужно это тело дефектное? А человек в нем словно закованный, в душе двадцать, а сам рассыпается. То лечить, это восстанавливать. Работать не может, пользы от такого человека государству нет, один вред и семье страдания. Уйти на пике в новую жизнь – вот идеальный вариант! И вот теперь ему Михаилу Ивановичу Рыбацкому через два дня пятьдесят. Все вокруг ждут не дождутся, за власть борются, за спиной шушукуются. Кресло делят. Все бегают, хлопочут, пресмыкаются, знают, что уйдет, а все равно страшно.

Рыбацкий возвращается к себе, отбрасывает с окон тяжелые шторы, свет заливают кабинет, воздух пыльный, тяжелый. Садится за стол и снова смотрит на газету. «Празднования» – его передергивает от этого слова. Он поднимает трубку телефона и командует

- Пригласите ко мне Самарина. – на другом конце что-то отвечают, и он кладет трубку.

Через пять минут в кабинет стучат и в дверь просовывается самодовольное, ухмыляющееся лицо. Оно влажное и тяжело дышит, видимо бежать пришлось с другого конца здания.

- Михаил Иванович! – Радостно вскрикивает лицо, выдавая все эмоции счастья разом. – Могу войти?

Рыбацкий утвердительно кивает и указывает на свободный стул.

Далее в дверь просачивается все остальное. Тело атлетического вида, обтянуто по фигуре темно-синим костюмом, сшитым под заказ, белоснежный воротничок рубашки скрипит и не гнется. В руках папка с документами. Он кладет документы на стол и скрещивает на них руки ожидая информации, ради которой он здесь. Руки молодые, совсем не рабочие, канцелярские, нежные. Золотой перстень на безымянном пальце. Пальцы как у пианиста, длинные и худые. Он поправляет ими отбившуюся в сторону прядь волос и снова скрещивает руки на документах. Рыбацкий молчит, смотрит сердито, выжидает чего-то. Тишина давит и заставляет волноваться.

- Михаил Иванович! – Не выдерживает Самарин. – Что-то хотели?

- Хотел! – Наконец оживает Рыбацкий и наваливается телом на стол, подвигаясь ближе к гостю. – Все никак не пойму, за какие такие заслуги вас на мое место ставят?

Самарин ехидно улыбается.

- Талантливый, говорят. Надежды подаю.

- Кто же говорит?

- Да все. Им нужен тот, кому народ верит!

- Или тот, кто делает то, что скажут. – Откидывается на спинку стула Рыбацкий, покручивая в пальцах карандаш.

- Ну вы меня с собой-то, Михаил Иванович, не сравнивайте! Я сам по себе, знаете ли!

Карандаш с треском ломается. Самарин снова ехидно

улыбается и замолкает.

- Ладно, это меня уже все не волнует, - успокаивает себя Михаил Иванович, - вон те папки забирайте, - указывает он на большой деревянный шкаф, - изучайте, будут вопросы, спрашивайте, у вас два дня.

Самарин кивает, подходит к шкафу и вытаскивает пару запыленных папок.

- Что здесь?

- Срочные дела! Требующие немедленного рассмотрения.

Самарин сдувает с них пыль и достает еще парочку.

- За остальными позже вернусь.

- Да, как пожелаете, уходите уже.

Дверь захлопывается и снова воцаряется тишина.

«Дерзкий! Горячий! Самоуверенный!» – думает Рыбацкий глядя на захлопнувшуюся дверь и в голове всплывают воспоминания четкие, будто вчера это было.

- Мишка, я узнал! – кричит рыжеволосый короткостриженный паренек в костюме не по размеру, забегаая в маленький кабинет на первом этаже. – Не включают они тебя в список на голосование!

Мишка срывается с места

- Как? – глаза его округляются, лицо краснеет.

- Сирота, говорят, не может в партии быть!

- Да где же это написано?

- Нигде не написано, сами так решили! Кононов сказал –

раз сирота, значит не сможем родословную проверить. Вдруг враги народа. Не надо, говорит, нам такого! Пусть, говорит, дальше в канцелярии сидит. – Мишка сжимает кулаки.

- Рыбацкий, ты что? – Взволнованно вскрикивает друг.

- Я его сейчас научу правила на ходу придумывать! - Михаил выпрыгивает из своего кабинета, друг следом за ним, пытаясь остановить, что-то кричит, но уже поздно, машина агрессии набирая ход летит по лестнице вверх к кабинету Кононова. Дверь закрыта. Он толкает её со всей силы, она распаивается и человек за столом подпрыгивает от неожиданности, бросая трубку телефона. Рыбацкий запрыгивает на стол, ползет по нему, сбрасывая все, что попадает под ноги, на пол, хватая испуганного, вытаращившего глаза Кононова за галстук и прижимает к стене, передавливая горло. Тот сопит, машет руками. Следом в кабинет залетает рыжеволосый и закрывает распахнутую дверь, чтобы оставить сцену без свидетелей.

- Почему я не в списках? – Шипит Кононову в лицо молодой служащий.

Тот корчится, краснеет, открывает рот, словно рыба и не произносит ни слова.

- Задушишь! Мишка! Отпусти! Синее же! – Орет рыжий.

Тот ослабевает хват и Кононов как тяжёлый мешок падает на пол.

- Гнида! – Орет Рыбацкий и пинает упавшего и обессилившего Кононова ногой в живот. Тот съезживается на полу

и мычит:

- Тебе конец!

Но в живот снова прилетает удар. Крик раздается снова.

- Нет, это тебе конец, если меня в списках не будет!

- Мишка, уходим, увидят! – волнуется друг.

Тот отмахивается, поднимает упавшего на ноги за грудки, смотрит в глаза – Бойся меня! Мне терять нечего, а у тебя дочь!

С этими словами, разжимает пальцы, и тот тихо сползает по стене. В кабинете становится тихо и холодно...

Звонит телефон, пробуждая Рыбацкого от дум.

- Слушаю!

- К вам с прошением, пускать?

- Пусть заходят, - дает добро Рыбацкий и смотрит на дверь кабинета. Та отворяется и несколько женщин появляется в проеме. Все скованы и напряжены. Он молча указывает на стулья и те садятся. Молчат некоторое время, а потом наперебой начинают благодарить за прием и уделенное время. Рыбацкий молча поднимает руку и те замолкают.

- Кто главный?

Девушки переглядываются и одна неуверенно указывает на себя.

- Говорите.

- Михаил Иванович, мы все понимаем, но наша очередь к

вам на прием только подошла, два года ждали! Не откажите.

Тот делает вид, что слушает.

- У нас дети! Школа была одна на весь округ, выгнали! Говорят, партия разрешение дала, под казармы. Сейчас мало кто учится, но все же хотят, приходят! Летом на улице занятия ведем, а зимой никак, негде. Посодействуйте, выделите место!

- Бумаги есть? – Лениво спрашивает тот.

- Вот! – они протягивают папку. Михаил Иванович делает вид, что смотрит.

- Школа для кого? - Спрашивает.

- Для малоимущих. – Тихо отвечают те, уводя глаза в сторону.

Рыбацкий перекладывает листы, пока не наткнется на бумагу с подписью «Помещение освободить, Самарин». Михаил Иванович взрывается гневом, хватая лист и пишет новое распоряжение «Помещение передать под школу. Рыбацкий» Протягивает ликующим и благодарящим его женщинам и откидывается на спинку стула.

Как он мог допустить к себе такого человека? Самарин был во всем противен ему, начиная от богатого своего происхождения, заканчивая полным согласием с действующей системой. Рыбацкий четко следил за своим окружением, сам назначал заместителей, но здесь что-то пошло не так. Тот чувствовал свою безнаказанность в делах, творил что хотел, иногда принимал решения самостоятельно, не доводя до све-

дения Рыбацкого, а порой шел через его голову и решал вопрос непосредственно с Верховным Управителем. Рыбацкий злился, но никакие связи не помогли ему сместить того с должности. А теперь тот сядет в его кресло и начнет отменять его решения.

Михаил Иванович снова поднимает трубку телефона.

- Найдите мне Котова.

Худой, высокий человек неуверенно заходит в кабинет и останавливается у двери, ожидая приглашения. Рубашка закатана по локти, обнажая жилистые рабочие руки, брюки болтаются на узком темном ремне, но все равно спадывают и их приходилось поправлять. Он немного поджимает плечи, из-за чего выглядит неуверенным, но лицо не выдает страха или сомнения. Он ждет разрешения войти, поправляет очки и садится за большой дубовый стол напротив Рыбацкого.

- Я бы хотел видеть тебя на своем месте, Андрей! – Начинает Рыбацкий.

- Так голосование же уже прошло, Михаил Иванович. – Пожимает плечами тот.

- Я думаю, можно что-нибудь придумать.

Котов испуганно поднимает глаза.

- Ты нормальный парень, не избалованный роскошью.

- Так не баловали – усмехнулся Андрей.

- Стране именно такой и нужен. Расскажи о семье.

- Да что, собственно, рассказывать, мама в приюте росла, потом в столовую устроилась работать, папа моряк, в сто-

ловой и познакомились, а потом он создал семью в другом порту, так что мама одна меня воспитывала. Всегда вас мне в пример ставила, чтоб я на вас похож был! Говорила, вы смогли выучиться и в правительство попасть, и я смогу. Вот, пробивался сам.

Рыбацкий стучит по столу пальцами, слушает.

- А мать как зовут?

- Екатерина Ивановна Котова. Но это папина фамилия, а так она по отцу Горинская, - он испуганно замирает, понимает, что взболтнул лишнего, и уточняет – пожалуйста не говорите никому, иначе меня из партии исключат, просто её семью врагами народа признали, мне о них говорить не следовало.

Но Михаил Иванович уже все слышал, и затаив дыхание, смотрел на сидевшего перед ним служащего совершенно иными глазами. Дыхание его участилось, на висках выступил пол, словно температура в помещении резко поднялась. Ведь он прекрасно знал эту Екатерину Ивановну и всю её семью. Знал даже почему их признали врагами народа...

- Мишка, вставай, просыпайся! – расталкивает сестра своего спящего брата. – Сегодня же праздник, проспийшь все! – маленькая тоненькая девочка в розовой пижаме быстро спрыгивает на пол и выбегает из комнаты, сверкая своими босыми пятками.

Мальчишка лениво потягивается, отбрасывая в сторону тяжелое одеяло, в комнате пахнет стряпней, на кухне с самого утра копошатся родственники: папа, мама, бабушка. Отец разделывает курицу, мама шинкует ножом капусту, бабушка моет праздничный набор посуды из шкафа. Они переговариваются между собой, пытаясь шутить, но напряжение чувствуется, его не спрячешь, оно в каждом движении, в каждом вздохе, оно ощущается каждой клеточкой тела, каждый волосок знает, что приближается беда.

Мальчик вскакивает с кровати и бежит в комнату деда. Тот у себя, милуется с Катюшкой, Мишкиной сестрой, качает её на коленях, как на лошадке и что-то шепчет в самое ухо, та смеется, так искренне, по-детски.

- Привет, заходи! – радостно встречает внука дед, махнув ему рукой. Миша залазит на высокую металлическую кровать. Комната маленькая, уютная, теплая, небольшое окно выходит на площадь, на которой пара мальчишек елозят ногами старый футбольный мяч. Дед совсем еще молодой, даже седины нет. Семьи теперь создают рано, после принятия закона о «Дне обнуления». Его руки сильные и жилистые, Мишка обхватывает одну своими руками, и дед рывком садит его к себе на колени, он прижимается к его груди, чувствует родной, запах табака и одеколona, вдыхает его полной грудью, чтобы запомнить надолго, навсегда.

- Дед, а нельзя спрятаться? Убежать? —спрашивает он, поднимая глаза. Дед смотрит на него своими добрыми голу-

быми глазами и улыбнулся, растягивая свои щетинистые щеки, обнаруживая все возрастные морщинки.

- Да куда ж ты убежишь? Ты что? Это закон! А законы нарушать нельзя! И праздник в конце концов, радуйся, Мишка! Что ты приуныл?

- Я без тебя не смогу! Я же люблю тебя, понимаешь? – мальчик утыкается носом в теплую вздымающуюся дедову грудь и плачет, сестра тоже начинает хныкать.

- Ну что вы, что вы? – лопочет дед взволнованно, задержав коленями, пытаюсь укачать ребят. Но те уже оба ревут.

В комнату забегают мама.

- Ну ка, дайте дедушке одному побыть! Оставьте его!

Ребята еще больше вжимаются в деда, не разжимая рук. Тогда мама хватается сына за подмышки и тянет его, пытаюсь оторвать. Он брыкался, но сил у восьмилетнего мальчика не так уж и много, тем более он всегда был не высоким и худым, ниже всех во дворе.

- Зачем же ему одному быть, мама? – Кричит Мишка, - он и так уйдет скоро!

- Ваня! – кричит мать, призывая на помощь отца! – Мишку забери!

Тот в три шага появляется у дедовой кровати.

- Все, все, пойдем! – шепчет он, хватая на руки сына.

- Не праздник это! – истошно вопит тот, что было мочи. – Убийство! Убийство! - Отец испуганно зажимает ребенку рот и выносит его из комнаты.

- Нельзя, Миша, нельзя, услышат! Заберут! Тише! – тот брыкается и пытается кричать, но отец держал его мертвой хваткой, пока мальчик не выбивается из сил и не сдается, немощно повисая на руках отца.

Через два часа вся семья заходит в красивое высокое здание, украшенное шарами. Людей внутри много, все нарядные, радостные на вид. Над входом огромными буквами мерцающая вывеска «С днем обнуления!»

Мишка смотрит по сторонам, огромный холл, лестницы, комнаты, свет в глаза бьет от огромных нависающих сверху люстр, что аж зажмуриться хочется. Хватает крепче отца за руку.

- В каждой из комнат аппарат стоит, где семьи со своими прощаются! – объясняет отец, показывая вокруг. Нас сейчас в одну из них проводят. Все под камерами, не выдумай ничего, Миш!

Мишка кивает, и краснеет, уши горят, страшно, а вдруг рюкзак проверят, а там топор, никто не знает, что он его с собой взял. Но нельзя деда им отдавать! Никак нельзя! Это друг единственный, только он ему правду рассказывал обо всем.

«Когда война прошла, - говорил он внуку, - есть нечего было, совсем пусто, кто не умер там, здесь умирали, молодежь почти вся полегла там, а старики остались, да женщины. Детей не рожали, школы, сады закрылись, разрушились. А со стариками что делать? Придумали аппарат гуман-

ный, вроде как засыпаешь просто, право твое, никто тебя туда не гонит, но все лучше, чем от голода помирать. Старикашки пошли, сами, в очереди драки за место устраивали. А власть молодежи стала пайки выдавать, поднимать стали страну из руин, стариков содержать не надо, на деньги оставшиеся строиться начали, города отстраивать заново. И так им это все понравилось, что узаконили они это, «день обнуления» называли. Ввели через религию, чтоб бунта никакого не было. Все тогда молились, за жизнь, за здоровье, за будущее светлое. Когда тьма приходит, все к свету тянутся. Проповедовать батюшка начал, что жизнь новая ждет, благодатная, зачем в старом теле мучиться, Библию переписали, распространили. И все вроде бы так, что правильно, хорошо, для людей! Но сами себя, конечно, подстраховали, несогласных убивали сразу, чтоб панику не сеяли. Согласных поощряли, подарки стали дарить семье, праздником великим сделали и все шито крыто. Сами, мол, решили, мы одобрили, в законе закрепили. Потом, когда телесвязь восстановили, начали день обнуления звезд, деятелей известных, героев современных транслировать на всю страну, чтоб народ простой видел – все равны, все рады, все правильно, порядок есть. А кто их знает этих деятелей, правда ли все это. Говорят, на остров их свозят потом какой-то райский, и живут они там до конца дней как сыр в масле, а простой народ умирать должен. Но кто говорит не понятно, никто никогда таких людей живыми не видел, не возвращались! Вот если бы увидели

хоть раз, может поверили, да взбунтовались, против режима такого. А пока так как есть, стукнуло тебе пятьдесят, иди, перерождайся!»

Поднимаются они на третий этаж, красиво вокруг, стены белоснежные, сияют, девушка их ведет молодая, что-то рассказывает, впереди дед, за ним все остальные. Катя, сестра, позади всех вприпрыжку скачет. Вот доходят, девушка дверь открывает, комната большая, светлая, лампы со всех сторон, окон нет, стулья у стен, в центре аппарат металлический тоже из белого металла, на нем кнопки разные синие, красные. Девушка кивает, выходит за дверь, дает время пообщаться, проститься. Дед улыбается, обнимает всех по очереди, с бабушкой беседует, та знает, что скоро и её день придет, целует его, крестит. Катя кнопки разглядывает, для нее это все бессмысленно, не понимает, что происходит, а он, Мишка, понимает уже, все понимает и не даст такому случиться, хоть папа и просил... Мишка вертит головой, ищет камеры, висят по углам, смотрят. Он снимает свой рюкзак с плеч, кладет на стулья, подходит деда обнимать, тот улыбается опять, хлопает внука по плечу, делает вид, что не страшно. А Мишка видит, как уголок рта подергивается. Чувствует все. Заходит та девушка, с ней священник, все выстраиваются перед аппаратом, слушают пару минут, не больше. Тот бормочет на своем церковном языке что-то непонятное Мишке.

«... Я пошлю в вас дыхание, и вы оживете. Я прилажу

к вам сухожилия, наращу на вас плоть и покрою кожей; Я вложу в вас дыхание, и вы оживете. Тогда вы узнаете, что Я — Господь...»

«...и предъидет пред Ним в Духе и силе Илиш, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоримым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный»..

Священник крестит всех, обмахивает кадилом, помазывает всех елеем и уходит. Дедушка скрещивает руки на груди в знак согласия с режимом, все делают так же, и он, Мишка так делает, но уходит от всех, пятится назад медленно к стульям, где лежит рюкзак. Дед заходит в аппарат, садится, все еще улыбается, воцаряется тишина, слышно только как доводчики шипят, закрывая дверь. Девушка тыкает по кнопкам, не смотрит на присутствующих. А Мишка уже рюкзак растёгивает, жар по всему телу, руки дрожат, молния такая громкая сквозь эту тишину, что невозможно не услышать, но никто не смотрит на него, не сводят глаз с аппарата. Женщина отходит в сторону, слышно, как выпускается газ внутри, вот эта секунда или никогда! Мишка разбегается и вонзает топор в эти разноцветные кнопочки, в комнате шум, треск, дверь аппарата открывается, дедушка вываливается обмякший, но живой, кашляет. Женщина орет во все горло, в коридоре уже слышно – к ним бегут. Отец отшвыривает сына к двери:

- Убегай! Скорее!

Взгляд наполнен болью и страхом. Мишка срывается с ме-

ста, краем глаза замечает сестру, та плачет, но он бросает её, бросает всех, распахивает дверь и бежит по коридору к лестнице. По ней вверх наперерез бегут двое законников в форме с автоматами, вниз нельзя. Мальчишка тормозит, падает, упирается руками и бежит в противоположное крыло, ему кричат, но не стреляют, он ныряет в какой-то служебный вход, находит лестницу, отталкивает всех, кто на пути и врывается в закрытую дверь. Дергает её, та не поддается, заперта. Через стекло видно улицу, деревья колышутся на ветру, какие-то люди прогуливаются по проспекту, никто не смотрит на него. Мишка судорожно вертит головой, видит огнетушитель на стене и разбивает им это маленькое окно, но он сам маленький, он пролезет. Слышит шаги за спиной, совсем близко, он выскальзывает, тело начинает жечь от порезов, но он бежит, не оглядываясь, пока не скрывается в брошенных и не восстановленных домах на окраине.

- Михаил Иванович, что с вами? – Спрашивает испуганный Котов.

Тот смотрит на него пустым взглядом, но неожиданно поднимается из-за стола.

- Мать где?

- Моя? – Удивляется Андрей.

- К ней води! – требует Рыбацкий.

- Так на работе!

- Пошли!

Котов испуганно прыгает перед ним.

- Михаил Иванович, но я же вам по секрету рассказал, я думал, что вы... Не трогайте её! Прошу! Что хотите сделаю!

Рыбацкий отмахивается

- Не мельчиши! Мне к ней по другому делу!

Котов успокаивается и непонимающе смотрит на начальника. Какие у него могут быть дела к обычной работнице столовой? Но повинуетя и выходит из кабинета, Рыбацкий следует за ним. Им подают машину, и черная волга везет их на другой конец города по заснеженной улице, переметаемой поземкой к небольшой столовой «Сытый вождь». Народа в столовой не много, время обеда еще не подошло, на отдельных столиках сидят отдельно разбросанные по залу люди со свободным графиком. Пахнет выпечкой. Слышно, как гремит посуда, разговаривают работницы на кухне, течет вода. Кто-то усиленно оттирает пролитый на столике и засохший сок.

- Здравствуйте, - обращается Котов к упитанной женщине с собранными в пучок волосами, - мне бы маму увидеть.

- Здравствуй, Андрюша – заикаясь, отвечает та, явно узнав перед собой главного управителя партии. Она срывается с места и скрывается где-то в недрах кухни. Слух о том, что сам управитель здесь, быстро разлетается среди работниц и десятки любопытных глаз высовываются из-за косяков двери. Катерина медленно выплывает в зал, заставляя всех

замереть в ожидании развязки. Рыбацкий не сводит глаз, перед ним все та же маленькая, тоненькая девочка в розовой пижаме с босыми ножками, только уже не совсем маленькая, и не совсем тоненькая, но все та же, родная, милая, любимая, которая сохранилась в его сердце, но с которой он уже давно попрощался и не ожидал встретить ни сейчас, никогда-нибудь.

- Катя, - произносит он сквозь слезящиеся глаза и протягивает к ней дрожащие руки.

Та делает пару шагов вперед, а потом бежит к нему со всех ног и обнимает, растворяясь в его меховом пальто, теряясь среди его рук, зарываясь все глубже, целуя куда попадают губы и плача навзрыд. Работники столовой уже не прячутся, они ошарашенно стоят, затаив дыхание и не собираются уходить. Андрей стоит молча, рот его приоткрыт, оголяя белые зубы, образ начальника в его голове никак не связывается с той картиной, которую он видит сейчас. Он не умеет плакать, он не умеет чувствовать, он не умеет улыбаться. Кто это перед ним? Наконец он приходит в себя и вопросительно произносит:

- Мама?!

Та выпускает из объятий Рыбацкого и пытается собраться с мыслями, чтобы хоть что-то объяснить, но звуков нет, рот открывается, а звуков нет, словно кто-то украл голос.

- Это сестра моя – Отвечает Рыбацкий сразу всем присутствующим на немой вопрос. – Сорок лет не виделись!

Катя снова утыкается в него своим лицом и содрогается всем телом.

- Ты же знала, что это я! Ты видела меня по новостям! – Шепчет он, - почему не пришла? Почему не сказала, что ты жива?

- Я боялась, что тебе будет плохо! Мишенька! Ведь нельзя!! Ты бы потерял все! – наконец возвращается к ней голос.

- Почему сыну не сказала, что я его дядя? Я бы знал! Я бы помог! - Он задавал вопросы, но в глубине души понимал, почему сестра так поступила. - Прости меня, Катя, это я во всем виноват! Это из-за меня!

Сцена длилась не долго, окруженный вниманием, Михаил Иванович предложил удалиться и спустя полчаса они уже сидели на маленькой кухне в шесть квадратных метров, двухкомнатной квартиры на окраине города, оставленный Кате её мужем. Плитка по периметру местами отклеилась и оголяла серые квадраты на стене. Комнату наполняет аромат смолодинного чая, только что заваренного в чайнике. Андрей со стуком размешивает сахар, опустив вниз взгляд и внимательно слушая разговор матери с неожиданно появившимся в его жизни дядей. Те сидят рядом, поглаживая друг другу руки и нежно глядя в глаза. Беседа льется не прекращаясь, так много всего хочется рассказать.

- Прости меня, родная! – снова и снова повторяет Михаил. – Значит приют! Если бы знал... А потом что?

- Научили готовить, устроилась в столовую, всю жизнь там и работаю. С отцом Андрея там и познакомились, он туда часто приходил, там же порт рядом. А потом, как говорится, поматросил и бросил. – Она улыбнулась какой-то грустной, ироничной улыбкой и продолжила – Я его сама поднимала – указала она рукой на сына, - всегда говорила, чтоб на тебя стремился походить! Ты смог, и он сможет!

- Когда ты узнала, что это я?

- Как только твою фотографии в газете опубликовали, что партия пополнилась новыми лицами, так и узнала, - она быстро поднялась с места и скрылась в соседней комнате, чрез секунду на столе красовался тот выпуск, с молодым еще Рыбацким на главной полосе.

Михаил приложил пальцы к глазам, сдерживая слезы.

- Я так радовалась, ты не представляешь! Я ведь думала, что тебя нет! Знаешь, хоть ты был и не рядом, я все равно чувствовала твою поддержку, я знала, что не одна в этом мире! Я забыла прошлое, не держу на тебя зла, ты поступил очень смело! Единственный, кто решился бороться, все остальные трусы! – последнюю фразу она сказала так тихо, что только Михаил и мог её услышать, даже Андрей поднял на них взгляд, пытаясь уловить суть.

- А я еще не закончил! – так же тихо ответил брат. – Ты помнишь, что говорил дедушка?

- Что? – удивленно переспросила Катя.

- Что нет никакого дня обнуления у имущих, что «на ост-

ров их связят потом какой-то райский, и живут они там до конца дней как сыр в масле, а простой народ умирать должен. Но кто говорит не понятно, никто никогда таких людей живыми не видел, не возвращались! Вот если бы увидели хоть раз, может поверили, да взбунтовались, против режима такого». Помнишь? – Переспросил Михаил.

- Да! – Непонимающе кивнула сестра.
- Так вот я вернусь! Все это увидят! Все поймут!
- А если это не так, Миша?
- Все так!
- И как же ты сможешь?
- Я не знаю! Но я обязательно вернусь!
- Но почему сейчас? Ведь тебе не пятьдесят! Два года, два года еще жить!

Андрей снова удивленно посмотрел на Рыбацкого, не понимая, о чем речь.

- Так нужно было! Когда ты чего-то очень хочешь, вся вселенная работает на это! Меня словно вели туда, где я должен был быть! По факту у меня не было шансов занять этот пост, но я его занял и удержал! И все для того, чтобы вернуться! Я был маленьким загнанным зверьком против всего мира, но мир был на моей стороне!

Мишка судорожно вертит головой, видит огнетушитель

на стене и разбивает им это маленькое окно, но он сам маленький, он пролезет. Слышит шаги за спиной, совсем близко, он выскальзывает, тело начинает жечь от порезов, но он бежит, не оглядываясь, пока не скрывается в брошенных и не восстановленных домах на окраине.

Два дня он боится показать нос на улицу, прислушивается, не ищут ли, не пустили ли собак? В доме тепло, потому что лето, хотя окна выбиты, старый матрас воняет кошатиной, стены облезлые, таких домов много стоит, после войны не нужны никому. Света в комнате мало, страшно, а там еще страшнее, живот урчит от голода, заставляя вылезти из укрытия. Он ждет вечера и как тень вдоль домов приближается к своим окнам, смотрит, света нет, пусто... Что с ними? Что он натворил? Как теперь быть? Некоторое время стоит неподвижно, тело содрогается, но слез нет.

Кто-то кладет руку на плечо.

-Что с тобой, мальчик? – спрашивает проходящая мимо старушка, но Миша не слышит вопрос, он уже бежит со всех ног подальше от этого места, знает, что не родители, и бежит, не смотрит кто спрашивает, боится знать. Бежит пока не остается без сил, пока не спотыкается и не летит на камни лицом вниз, разбивая лоб и теряя сознание. А дальше темнота, пустота и холод...

Кто-то шепчется, тихо, чтоб не услышал, о нем говорят, Миша открывает глаза. Перед ним трое детей разного воз-

раста, с перепачканными лицами, одеты в драные с заплатками наряды. Комната, где он находится маленькая, но чистая, стены побелены, окно открыто, от него тянет тиной и водой. Какая-то птица за окном не переставая орет. Как только Мишка зашевелился, дети перестали шептаться. Смотрят своими выпученными глазами, прожигая насквозь.

- Пап, - наконец закричал самый маленький, - он в себя пришел!

В комнату тут же вбежал мужчина средних лет, с осунувшимся лицом, впалыми щеками и усталым взглядом, подбежал к кровати, на которой лежал мальчик и опустился на колени, на уровень его взгляда.

- Как ты? – спросил он тихо и спокойно.

- Хорошо, - ответил Мишка, трогая рану на лбу.

- Ты кто? Откуда?

Мишка с секунду думает, стоит ли рассказывать и решает, что лучше держать язык за зубами.

- Я не помню.

- Совсем?

Тот неуверенно кивает.

- А как зовут хоть помнишь?

- Миша. – снова неуверенно выдает мальчик.

Мужчина качает головой.

- Что же мне теперь с тобой делать, Миша?

Дети молчат, не отводят взгляда. Мишка знает, что к законникам его не поведут, они только власть защищают, про-

стые люди к ним не суются. Пойдешь туда, сам сгинешь. Все, что с ним могут сделать, либо оставить, либо выгнать, чтоб беды в дом не принес. Мишка молчит, ждет решения своей участи, тот медлит, думает.

- Ладно, поживем, увидим. – машет он рукой, - Я сам рыбак, дядя Коля зови, это дети мои, - указывает он на ребятню – Вадим, Сашка и Вероника.

Вадим старший из ребят, на вид лет двенадцать, брови нахмурены, серьезный не по годам, видно, что многое к своему возрасту уже повидал. Сашка средний, рыжеволосый, в веснушках с оттопыренными ушами. А Вероника, Миша даже не сразу признал в ней девочку, такой же на вид мальчишка, как эти двое, с короткой стрижкой, в шортах, но самой милой улыбкой, которую он когда-либо видел, была меньшей, погодка его родной сестры.

Мать их, как он потом узнал, пропала полгода назад. Защитила кого-то от законников на рынке. Семья боялась, что и за ними придут, но полгода прошло, а на пороге никто не появился. Теперь рыбу на рынке продавал Вадим. Он же оставался за главного, когда отец уходил в рейс. Вадим был вспыльчив и не задумываясь раздавал тумаки, если что-то было не по его. Требовал беспрекословного подчинения, а за невыполнение требований наказывал, порой наказание не соответствовало содеянному. Он твердо знал, что, когда вырастит пойдет в законники, ему нравилась эта безграничная власть и безнаказанность. Он видел, как все боятся их, а бо-

ятся, значит уважают, думал Вадим. Мишку он невзлюбил с первого дня.

- Харчи наши хлебаешь задаром, а толку с тебя никакого! – говорил он. К тому же ему не нравилась Мишкина самоуверенность. Тот открыто высмеивал старшего, высмеивал его мечту стать законником, а самое отвратительное, что Вадиму не нравилось в приемыше, это то, что тот умел читать и писать, когда он сам, будучи старше его на четыре года ничего этого не умел. Дедушка обучал его с пяти лет, так как школы были разрушены по большей части, власть переложила ответственность за образование своих детей на семьи, оставив только высшее обучение.

«тот, кто стремится к знаниям сам, обучится и поступит, а тот, кто учиться не желает, тому и школа не поможет!» - говорили они.

Это привело к тому, что дети имущих имели образование, потому что могли себе позволить учителей, а среди неимущих пробивались наверх лишь единицы.

Сашка брата боялся и во всем слушался. Но ему так нравился этот самоуверенный новый мальчик, который мог дать отпор старшему, что он ходил с ним как привязанный, не оставляя не на секунду. Слушал каждое слово и пытался запомнить. Когда Мишка стал таскаться в город и приносить оттуда купленные на заработанные деньги книги, Сашка просил его сначала читать вслух, а потом показать и научить, как это, понимать написанное. Вадим лишь усмехался

и периодически вырывал страницы из отобранных книг, бросая на их глазах в печь, после чего обязательно завязывалась драка и побежденный Мишка с разбитым носом продолжал уже сам вырывать страницы из книги и бросать их в печь под надзором самодовольного названного старшего брата.

- Молодец, продолжай! – Ехидно комментировал Вадим.

Это побудило Мишку заняться собой, он стал бегать по утрам, носить воду из реки все в большем количестве, потом находил камни потяжелее и бегал с ними, а после стал набирать камни в мешок, взваливать на спину и бегать, пока не выбивался из сил и не валился как дохлая лошадь, засыпая до самого рассвета.

Вероника Мишку любила, но стеснялась. Никогда не подходила к нему близко, но всегда улыбалась ему своей нежной улыбкой. Никогда ни о чем не просила, не останавливала драки, и вообще мало разговаривала. Вадим перекинул на нее свои обязательства готовить обед, едва ей исполнилось семь, к тому времени Мишка прожил в семье уже два года.

К своей квартире он ни раз возвращался, но свет все не горел. И вот он стоит и не верит глазам, окно светится, свет настоящий живой, там кто-то движется. Неужели он их увидит? Уже без всяких опасений взмывает он вверх по лестнице, стучится, что есть мочи, зовет их, но дверь открывает тучная женщина. Он не знает её. Она что-то спрашивает, мотает головой, а он её даже не видит, слезы застыли в глазах мешая рассмотреть образ.

- Мы сюда въехали недавно – объясняет она, - распоряжение! О тех жильцах ничего не знаю. – Пожимает плечами и прогоняет мальчишку прочь.

Он снова барабанит в дверь.

- Что? – Тон её уже повышен, нервничает, - вещи? Не было тут никаких вещей! Хотя, подожди, какая-то карточка к линолеуму прилипла, мы так и оставили, - она приносит старое потрёпанное фото, где вся семья вместе, все что теперь есть у Мишки, самое ценное. Он прижимает фото к груди и несется вниз стрелой, пока тетка не вызвала законников.

Скручивает трубочкой, запихивает в бутылку, бутылку под камни рядом с домиком, чтоб никто не нашел, особенно Вадим, порвет не задумываясь.

Потом ходит туда периодически, посматривает, на месте ли, не пропал ли клад.

Выворачивает из-за угла дома к своему месту, а там Вадим с девочкой сидит, на реку любуются, разговаривает. Он уже совсем взрослый, Мишка эту девочку уже ни один раз видел, они дружат, вроде как. Красивая. «И что она в нем нашла?» - думает он. «Он же совсем дурак». Вадим опрокидывает подругу на спину и целует, нежно, аккуратно, вдруг камень из-под руки выскальзывает, и он смущенно валится на нее всем весом, та визжит и смеется, а он видит бутылку, Мишкино сокровище, достает, смотрит, разбивает стекляшку, разворачивает фото. Мишка белеет за углом, ноги обмякают и подкашиваются, ну вот и все, сейчас ничего не оста-

нется от прошлого, все, что так хранил, что берег.

- Не трогай! – Орет он что есть мочи и подбегает к брату, пытаясь выхватить фото, но тот успевает отдернуть его. Вытягивает руку, держит Мишку на расстоянии, приблизиться не дает, а другой рукой фото разглядывает и улыбается.

- Значит, не все мы и забыли? – Ехидничает он.

- Отдай, не твое! – Мишка прыгает, пытается ухватить, но ростом не вышел.

- Кто это? Семья твоя?

- Тебе какое дело?

- У нас, значит, жрет, а у самого семья есть? Или они у тебя враги государственные?

Вадим отталкивает мальчишку с силой и тот валится на спину, речные камни трещат под ним, двигаются. Вадим ходит вокруг него как павлин, словно крючок нашел, словно теперь он все может делать, а тот подчинится беспрекословно.

- У меня побудет! Будешь себя вести хорошо, отдам. – Он снова скручивает фото трубочкой и кладет в карман.

Но Мишка не согласен, он набрасывается на парня как пантера, бьет кулаками, а тот ничего не может сделать, силы у пацана прибавилось, не скинуть, не отбиться. Девушка смотрит, зовет на помощь, пытается разнять. Нельзя Вадиму проигрывать мелкому, позор. Он пытается подняться, поймать за руки, прижать, но тот изворачивается и валит парня лицом в камни, заламывает ногу, что-то хрустит, тот орет,

Мишку оттаскивают, а он цепляется за воздух, машет ногами. Дядя Коля обхватывает его руками, сжимает, держит пока тот не успокоится, уносит в дом, бросает на кровать и смотрит взглядом, который Мишка никогда не видел - холодный, злой. На улице стонет Вадим. Забегает Сашка, испуганный, взъерошенный.

- Ты что наделал? Ты ж ему ногу сломал!

Мишка опускает глаза.

- Он же тебя убьет теперь. Его ж теперь не возьмут никуда!

На службу в законники берут всех без отбора, с шестнадцати, главное присягнуть на верность и иметь крепкое здоровье. Вадим ждал этого дня, считая минуты, оставалось всего семь тысяч двести минут. А теперь что? Больницы платные, а в бесплатной гипс наложат и даже смотреть не станут как срастется, может хромать всю оставшуюся жизнь.

- Ты его перед девочкой опозорил, мечты лишил, он тебя точно убьет! – причитает Сашка. – За что так? Что он сделал тебе?

Мишка молчит, решает не разговаривать с этого момента, ждет участи своей, когда дядя Коля приедет, повез сына в больницу. За окном темнеет, тучи закрывают солнце, оно и так тусклое, холодное, осеннее. Окна уже не открыть. Мишка смотрит как на стекле появляется капля, стекает вниз оставляя мокрый след, затем вторая, словно заплакал кто-то по нему. Вот сильнее льются слезы, барабанят в окно. Нет, ждать нет смысла. Нужно уходить, сейчас! Мишка нахо-

дит засаленную тетрадь и вырывает из нее листок. От печки идет небольшой свет. Мишка выводит карандашом несколько слов:

«Спасибо. Простите.»

Оставляет бумажку на столе и накидывает свою куртку. Оглядывает комнату в последний раз. Тихо, тепло, привычно, пара кроватей по углам, старый палас на дощатом полу. Сашка спит, уткнувшись лицом в подушку, хаотично раскидав в стороны свои рыжие локоны. Вероника рисует что-то на дальнем столе в полумраке, что-то тихо напевая себе под нос, и не обращает на него никакого внимания, она лишь поворачивает голову, когда хлопает дверь, но снова отворачивается к своему рисунку.

Обхватив себя руками, чтобы хоть немного было тепло, бредет он по осенней темной улице. Ноги промокли сразу. Мишка всхлипывает, воспоминания сами роятся у него перед глазами, показывая картинки из счастливого прошлого. Теплый дом, любящая семья... Какой же он был дурак. Мимо него плавно проплывают темные деревья, едва покачивающиеся на ветру, и бросающие ему под ноги свои последние золотые листья, с которыми так не хочется им расставаться. Листья шуршат под ногами, не успевая намокнуть и распадутся на тысячи мелких осколков, словно разбившееся золотое стеклышко.

- Эй! – Окликают его. – Туда нельзя! Куда пошел?

Мишка оборачивается на крик своими детскими заплаканными глазами. В темноте, в свете загорающегося и тухнущего маленького огонька папиросы стоит высокая темная тень мужчины. Он только что вышел из небольшого строительного вагончика, подышать перед сном осенним воздухом.

- Там стройка, нечего там шастать! Собаки задерут!

Мишка вытирает мокрый нос рукой и идет обратно, чавкая своими намокшими башмаками.

- Ооо... - протягивает мужчина. – Ты откуда такой взялся? Давай, заходи, согреешься. – Он вытягивает руку, открывая дверь вагончика и запах колбасы убивает все сомнения, Мишка входит к теплое, маленькое помещение, где на него оборачиваются еще три пары любопытный глаз.

Маленький строительный вагончик выглядел как коммунальная квартирka, с кроватями, столовой, небольшим окном, прикрытым серой занавеской. Он предназначался для двоих, но проживало в нем четверо. Жители вагончика были закаленными, веселыми мужиками, с жилистыми, мощными руками и щетинистыми, загорелыми лицами. Павел, который пригласил мальчишку в дом, был у них вроде бригадира, и спорить с ним никто не стал, когда тот предложил оставить пацана. Условия пребывания были простыми, Мишка должен был помогать чем мог, а за это получал свой паек и место для сна. Он носил кирпичи, убирал строительный мусор, кормил собак, бегал за забытым инструментом и безот-

казно выполнял все поручения окружающих, которых было довольно много, на территории помимо их вагончика находилось еще четыре. Строили новую высотку для имущих. В конце года объект должны были уже сдать.

То, что пацан сообразительный, Павел разглядел сразу. Но как не расспрашивал он его, с какой стороны не пробовал подойти, узнать о прошлом так и не получилось. Тот резко делался немым и лишь вызывающе смотрел своими широкими глазами, заставляя завершить разговор.

- Не здесь ты должен быть! – Говорил Павел, качая головой.

Однажды он где-то раздобыл старые учебники по истории со штампом института и с гордостью вручил их Мишке. Тот радостно удалился в свой угол и не выходил оттуда всю ночь. Работать он потом не смог, за что был награжден злобным ворчанием коллег, мол пайком с ним делятся, а толку от него никакого. Несколько дней книги просто лежали на столе.

- Ты что не читаешь? – Серьезным тоном заговорил Павел, глядя на дремлющего ребенка, отвернутого к стене. Мишка испуганно повернулся.

- Я не могу. Засыпаю.

- Устал?

- Да.

Павел сел на кровать рядом с мальчиком, отодвигая одеяло и заговорил еще серьезнее.

- К брату моему пойдешь! Он в институте работает охран-

ником, сказал если кафедры мыть будешь, то прокормит. Там можно лекции под дверью слушать и в библиотеку пустят. Тебе поступать нужно, а не вот это все.

- Так я же...

- Научись! – перебил его Павел, опережая вопрос.

Когда жизнь ограничена временем, она идет совершенно по-другому. Пока у тебя нет четкого конца, финиша, который, ты знаешь, что наступит, но когда это будет не известно, ты можешь позволить себе идти медленно, отдыхать на подъемах, тормозить на спусках своей жизни, но, когда финиш определен, нужно выжать максимум возможностей из этого забега. В четырнадцать дети уже четко знали кем хотят стать, если была возможность учиться, в пятнадцать поступали, в шестнадцать создавали семьи. Юность не длилась долго, к тридцати годам каждый уже занимал своим устойчивое место в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.